

Прощай, прощай! Но, Брачный Гость,
Словам моим поверь!
Тот молится, кто любит всех,
Будь птица то иль зверь.
Словам моим поверь!*

С. Кольридж
Поэма о старом моряке

* Перевод Н. Гумилева.

У отца была своя манера ходить в горы. Не склонный к размышлениям, он воплощал упорство и дерзость. Отец поднимался, не рассчитывая силы, вечно с кем-то или с чем-то соревнуясь, а если тропинка казалась длинной, срезал путь, выбирая самый крутой склон. Рядом с ним было запрещено останавливаться, жаловаться на голод, холод и усталость, зато разрешалось распевать песни, особенно в грозу или в густом тумане. А еще разрешалось улюлюкать, как индейцы, спускаясь кубарем по снегу.

Мама знала отца с самого детства и говорила, что он и тогда не желал никого ждать и бросался вдогонку за всяким, кто его обгонял: чтобы ему понравиться, нужно было бодро карабкаться вверх, — мама, смеясь, давала понять, что так она и покорила отца. Потом гонкам по горам она стала предпочитать спо-

койные прогулки — сидела на лугу, болтала ногами в горном ручье, разглядывала цветы и травы. Даже когда они стояли на самой вершине, ей нравилось смотреть на далекие горы, вспоминать горы своей молодости, когда и с кем она на них побывала, в то время как на отца в эти минуты накатывало разочарование, и он хотел только одного — вернуться домой.

Наверное, временами их охватывала ностальгия. Родители перебрались в город, когда им было лет тридцать, из сельской части Венето, где родилась мама и где вырос отец, оставшийся после войны сиротой. Их первыми горами, их первой любовью стали Доломиты. Родители порой вспоминали их: я был слишком мал, чтобы участвовать в беседе, но чувствовал — некоторые слова звучат громче, несут особый смысл. Катиначчо, Сассолунго, Тофана, Мармолада. Стоило отцу произнести одно из этих названий, как у мамы загорались глаза.

Позднее я догадался, что там они и полюбили друг друга: в горы их водил священник — тот самый, что осенним утром обвенчал их перед церквушкой, стоящей у подножия Тре-Чиме-ди-Лаваредо. Свадьба в горах стала мифом о рождении нашей семьи. По неизвестным мне причинам мамины родители были против, так

что на свадьбе присутствовали только четверо друзей. Вместо свадебного наряда на родителях были ветровки, первую ночь они провели в горном приюте в Ауронцо. На уступах Чима-Гранде уже блестел снег. Они поженились в субботу, в октябре 1972-го, что означало завершение альпинистского сезона в том году и в последующие годы: на завтра отец и мама, которая уже носила меня, погрузили в машину кожаные горные ботинки, штаны-пумпы, папин контракт о приеме на работу и отправились в Милан.

Отец не считал спокойствие хорошей чертой характера, но в городе оно было ему полезнее, чем тренированное дыхание. В Милане у нас был другой пейзаж: в семидесятые мы жили в доме, выходявшем на широкий проспект, под которым, как говорили, спрятали речку Олону. В дождливые дни нашу улицу затопляло (я представлял себе, как внизу, в темноте, рычит река, становится все полноводнее и выбирается на свет через водостоки); но на самом деле всегда разливалась другая река, состоящая из автомобилей, фургонов, мопедов, грузовиков, автобусов, машин скорой помощи. Мы жили высоко, на восьмом этаже: два ряда похожих, как близнецы, домов, стоявших на берегах это-

го потока, только усиливали грохот. Иногда ночью у отца кончалось терпение: он вставал и распахивал окно, словно желая крикнуть городу что-то обидное, заставить его умолкнуть, облить горящей смолой. Так он стоял с минуту, глядел вниз, надевал пиджак и выходил пройтись.

Из окон нашей квартиры мы видели бескрайнее небо. Ровное, белесое, не менявшееся круглый год, расчерчивали его только птицы. Мама упорно разводила цветы на балкончике, почерневшем от гари и покрытом плесенью из-за затяжных дождей. Возясь с растениями, она рассказывала мне о том, как в августе выглядят виноградники в ее родных краях, как подвешивают табачные листья сушиться на жерди, о том, что спаржу, чтобы она оставалась нежной и белой, надо собрать прежде, чем ростки выглянут из земли, — и нужен особый талант, чтобы понять, где они прячутся.

Теперь особый талант пригодился маме совсем в другом отношении. В Венето она работала медсестрой, а в Милане получила место фельдшера в районе Ольми, на восточной окраине города, где жили бедняки. Тогда фельдшеры только появились, как и семейная консультация, где работала мама и где ей предстояло наблюдать беременных женщин

и младенцев первого года жизни. Такая работа ей нравилась. Однако в Ольми она превращалась в трудную миссию. Вязов в этом районе почти не росло, и вся топонимика — *виа дельи Онтани*, *виа дельи Абети*, *виа деи Ларичи*, *виа делле Бетулле** — звучала как насмешка там, где все было застроено уродливыми двенадцатизатками и где жизнь была отнюдь не благополучной. Мамины обязанности включали посещение малышей на дому, чтобы проверить, в каких условиях они растут, — всякий раз после подобных визитов она несколько дней приходила в себя. В самых тяжелых случаях она вынуждена была обращаться в комитет по правам ребенка. Маме это давалось нелегко, к тому же приходилось терпеть угрозы и оскорбления, но она не сомневалась, что поступает правильно. Так думала не только она: с социальными работниками, нянечками и воспитательницами маму связывала глубокая солидарность, чувство коллективной ответственности за детей.

Зато отец всегда был одиночкой. Он работал химиком на фабрике, где трудились десять тысяч рабочих и где постоянно проходи-

* Ольми (*Olmo, it.*) — вязы; улицы Ольховая, Еловая, Лиственная, Березовая. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

ли забастовки и увольнения: как бы ни шли дела, отец каждый вечер возвращался домой на взводе. За ужином он молча смотрел новости, зажав в руках вилку и нож, словно, того и гляди, разразится новая мировая война, и молча закипал от гнева при известии об очередном убийстве, правительственном кризисе, росте цен на нефть и заложенной неизвестно кем бомбе. Сослуживцев он приглашал домой редко, беседовал с ними почти исключительно о политике и в итоге всегда ссорился. С коммунистами он вел себя, как антикоммунист, с католиками — как радикал, с тем, кто пытался привести его в церковь или в ряды какой-нибудь партии, как вольнодумец. Однако в те времена быть против всех считалось зазорным, и вскоре сослуживцы перестали к нему приходить. А отец по-прежнему отправлялся на фабрику с таким видом, будто каждое утро должен был занять место в траншее на фронте. Ночами он не спал, слишком крепко сжимал в руках предметы, в уши вставлял затычки, глотал таблетки от головной боли, но периодически не выдерживал и взрывался — тогда в дело вмешивалась мама, считавшая, что обязанности жены подразумевают и то, что ей следует укрощать гнев мужа, смягчать удары в его драке со всем миром.